

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
IU.A. VINOGRADOV

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ
ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО-1¹
NEW INVESTIGATION AT THE WESTERN BOUNDEY
OF THE SETTLEMENT ARTIUSCHENKO-1**

Античное поселение Артющенко-1, расположенное на Таманском полуострове на высоком, разрушающемся берегу Чёрного моря, исследуется Боспорской экспедицией ИИМК РАН уже более 20 лет. Это поселение сейчас является одним из наиболее изученных памятников такого рода на азиатской стороне Боспора, демонстрируя дискретность исторического развития от эпохи архаики до поздней античности и раннего Средневековья [Виноградов, 2013; Vinogradov, Lebedeva, 2005; Vinogradov, 2015]. Имеющиеся материалы позволяют считать, что в римское время поселение было сезонным, земледельцы приходили сюда только на время проведения полевых работ. Во всех археологических комплексах этого времени обнаружено большое количество лепной керамики, изготовленной в традициях варварского населения. Это обстоятельство, а также общий негреческий облик жилых и хозяйственных сооружений, представленных исключительно примитивными землянками, наводит на мысль, что обитатели поселения в основном не были эллинами.

В 2012 и 2015–2017 гг. на западной окраине поселения исследовался необычный комплекс сооружений, суммарно датированный I–III вв. н.э. Важнейшей его составляющей являлась глинобитная площадка (площадь около 130 кв. м), на поверхности которой было найдено огромное количество обгоревших зерновок пшеницы однозернянки (*Triticum monococtum* L.). Около площадки обнаружены четыре крупные ямы, выделяющиеся наличием в их заполнении большого числа скелетов животных (собак, свиней, коз и т.д.); эти останки иногда располагались слоями или ярусами. Вместе со скелетами встречались целые керамические сосуды, в основном лепные. Такие необычные ямы логично считать жертвенными и связывать с отправлением неких религиозных ритуалов. Наконец, поблизости от площадки расположены очень неглубокие ямы, содержавшие костные останки людей. В одной из них находилось скорченное захоронение мужчины. В другой были обнаружены четыре человеческих черепа, уложенные на дне по странам света.

¹ Исследование произведено в рамках темы государственного задания ФНИ ГАН № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

Ещё два человеческих черепа были найдены в культурном слое, около северного края площадки. Все эти археологические факты позволили предположить, что на западной окраине Артюшенко-1 существовал некий священный участок, на котором приносились жертвы, связанные с культом плодородия и, если акцентировать внимание на окраинном положении участка, вероятно, мотивированные также стремлением предохранить обитателей поселения от воздействия зловредных демонических сил. По понятным причинам такой священный участок никак нельзя связывать с греческой культурной традицией, но и в обычаях варварских народов, обитавших у границ Боспорского царства, подобные культовые комплексы тоже не зафиксированы [см.: Виноградов, 2017; 2019а; 2019б].

В 2017 г. к востоку и западу от глинобитной площадки были обнаружены две полуземлянки четырёхугольной, сравнительно хорошей для этого поселения формы [см.: Виноградов, 2013], но они не дали никаких необычных материалов. В том же году к северу от площадки были открыты небольшие части *двух каменных стен* (№ 2 и 3). Первая из них (рис. 1) ориентирована по линии С–С-З – Ю–Ю-В. Её сохранившаяся длина – 1,70 м, ширина – 0,55–0,60 м, высота – 0,28 м. Она сложена из небольших камней (в основном морских галек) на глинистом растворе. Более-менее тщательно оформлены лишь два фасада стены, внутреннее пространство забито мелкими камнями. Несмотря на это, в системе кладки прослеживается определённая система – нижний ряд сложен из сравнительно крупных камней; над ним идёт ряд галек, уложенных плашмя; ещё выше идёт ряд галек, установленных вертикально. Любопытно, что с севера к основанию этой стены примыкала небольшая жертвенная яма № 94; в ней был установлен лепной горшок, накрытый миской, в который была помещена голова поросёнка [Виноградов, 2019а, с. 264–265].

Стена № 3 никак не стыкуется с описанной выше. Она ориентирована по линии С–С-В – Ю–Ю-З; длина составляет 1,50 м, ширина – 0,64 м, высота – 0,14 м. По конструкции она вполне подобна описанной выше, т.е. сложена в основном из морской гальки; так же более-менее тщательно оформлены фасады, внутреннее пространство забито мелкими камнями. В системе кладки присутствуют камни, установленные вертикально.

Эти две стены вызывают большое количество вопросов. Во-первых, они, вероятнее всего, не являются частями какой-то единой конструкции. Во-вторых, основание, сложенное (скорей слеппенное) из морской гальки, не может выдержать тяжести сырцовый или иной стены. В-третьих, система кладки абсолютно необычна для Боспора античного времени. Отчасти она напоминает кладку «в ёлочку» стен на поселениях салтово-маяцкой культуры, но сооружения, открытые на Артюшенко-1, вряд ли можно уверенно датировать временем Средневековья, поскольку находки фрагментов салтовской посуды являются большой редкостью на участке раскопок. Поселение салтово-маяцкого времени находится в десятках метров к западу от него [Виноградов, 2002].

В 2018–2019 гг. раскопки на западной окраине Артюшенко-1 были продолжены

и по понятным причинам основной их целью было получение дополнительных материалов для понимания священного участка. Кратко охарактеризую результаты этих раскопок в каждом из сезонов.

В сезоне 2018 г. раскоп был расширен в северном направлении. По диагонали с С-В на Ю-З через всю площадь раскопа по одной линии расположены *четыре ямы № 95–98* (рис. 2). Они «стандартны» по устройству: диаметр – 0,8-0,9 м, глубина – 0,3-0,5 м. Эти ямы почти не содержали находок, но их датировка римским временем не вызывает сомнения. Можно предположить, что в них были установлены деревянные столбы, служившие основой забора, ограничивающего поселение². Эта линия по существу является границей активного использования площади поселения, далее которой к северу археологические комплексы почти отсутствуют.

Центральную часть раскопа занимало крупное скопление мелких камней. Под ними находился котлован сильно оплывшей четырёхугольной по форме *полуземлянки XXII* (рис. 2). Её размеры составляют 4,25 × 3,40 м, глубина от поверхности материка – 0,80 м. С юга в структуру полуземлянки входила приступка шириной 1,5 м при глубине от поверхности материка 0,5 м. Вход в землянку находился с востока (2 × 1,75 м, глубина – 0,45 м), к нему с юга вела лесенка шириной 2,2 м, вырубленная в материке. В ней можно насчитать 3 ступеньки.

При разборке заполнения котлована обнаружен многочисленный археологический материал. Находки включали в себя 341 фрагмент различных керамических сосудов, керамическую пирамидальную подвеску, керамическое пряслице, кремневый скребок и пр. При статистической оценке общего керамического массива выявляется преобладание амфорных материалов, на долю которых приходится 44,3%. Прежде всего, это обломки крупных красноглиняных сосудов с вертикально поставленным горлом и круглыми в сечении ручками (рис. 3, 1-2). Такие находки представлены на боспорских памятниках римского времени [Зеест, 1960, с. 116, табл. XXXV, 84]. А.П. Абрамов предлагал датировать их концом II – первой половиной III в. н.э. [Абрамов, 1993, с. 49, табл. 58, 6.34, 6.35]. Есть основания считать, однако, что этот тип уже существовал в середине II в. н.э. [Журавлев, Ломтадзе, 1999, с. 99].

Фрагмент красноглиняного сосуда с венцом, оттянутым внутрь и имеющим «клювовидное» очертание (рис. 3, 5), является довольно редкой находкой. И.Б. Зеест датировала подобные сосуды II–III вв. н.э. [Зеест, 1960, с. 113, табл. XXXII, 76, а–б].

Значительно более многочисленные находки относятся к светлоглиняным южнопонтийским амфорам (рис. 3, 3-4, 6-10). Все они принадлежат к типу С по Д.Б. Шелову и соответственно могут быть датированы в основном II в. [Шелов,

² Расстояние между ямами № 95–97, расположенными компактной группой, составляет 0,5–0,7 м. Легко заметить, что между ямами № 97 и № 98 имеется значительно больший разрыв. Можно предположить, однако, что здесь, т.е. в заполнении котлована полуземлянки XXII, была вырыта ещё одна яма для столба, и мы её просто не смогли зафиксировать. Если это так, то следует считать, что забор был построен после того, как полуземлянка была засыпана.

1978, с. 18; см. также: Абрамов, 1993, с. 46, табл. 52, 6.5–6.7; Внуков, 2003, с. 117–128]. Базируясь на амфорных материалах, можно считать, что полуземлянка XXII была засыпана во второй половине II в. Другие находки не противоречат такой атрибуции.

Без учёта амфорных материалов керамический комплекс распределяется следующим образом: 22,6% приходится на фрагменты красноглиняной столовой кружалной посуды всех типов, 5,8% – на сероглиняную, 2,7% – на краснолаковую, 14,7% – на толстостенную и целых 54,2% – на лепную керамику.

В составе керамических находок можно выделить обломки красноглиняных боспорских кувшинов (рис. 3, 11, 12), некоторые из которых имели витые ручки (рис. 3, 14). Не менее типичны, хотя и не столь многочисленны, фрагменты сероглиняных кувшинов (рис. 3, 13) и краснолаковых чаш (рис. 3, 15). Толстостенная керамика представлена обломками пифосов боспорского производства (рис. 3, 16). Очень многочисленная в заполнении котлована лепная посуда представлена обломками горшков (рис. 3, 18), в меньшей степени – слабо лощёных мисок (рис. 3, 17). Имеются также фрагменты, которые, возможно, относятся к курильницам (рис. 3, 19). Последняя группа керамических находок, на мой взгляд, прекрасно характеризует сильный варварский компонент в составе населения Артющенко-1 в первые века н.э.

Следует признать, однако, что в 2018 г. никаких материалов, относящихся к священному участку, или каких-то иных, связанных с отправлением культа, выявлено не было. Вполне очевидно, что священный участок не распространялся далее к северу.

Раскоп 2019 г. был направлен к востоку от северного края глинобитной площадки. Здесь довольно быстро была открыта небольшая яма № 103 (диаметр – 1,15 м, глубина – 0,20 м), вырытая в культурном слое (рис. 4). В ней находился человеческий череп, лежавший основанием вверх; под ним находилась нижняя челюсть и фаланги пальцев. Восточнее его на дне ямы лежала типичная салтовская сероглиняная ойнохоя, украшенная пересекающимися пролощёнными полосами.

Эта яма поставила один в высшей степени важный вопрос. В принципе, она вполне вписывается в ряд подобных комплексов Артющенко-1, содержавших человеческие костные останки, которые были связаны нами со священным участком [Виноградов, 2019а, с. 265–268]. Датировка их первыми веками н.э. была основана на характере заполнения, представленного обычным культурным слоем римского времени, а также контекстом расположения – рядом находились ямы и другие сооружения, относящиеся только к этому времени. Яма № 103 была тоже заполнена культурным слоем римского времени, но находка салтовской ойнохой заставляет относить её к VIII–IX вв. Отсюда следует предположение, что и другие ямы такого рода не являются античными, но относятся к значительно более позднему времени и, таким образом, к священному участку не имеют никакого отношения.

Такой вывод, однако, представляется несколько поспешным. Находка этого черепа является седьмой на памятнике, при этом все они сосредоточены около глинобитной площадки. Нельзя ли предположить, что обитатели салтовского

поселения, расположенного, как уже говорилось, поблизости от участка раскопок, при случайных обстоятельствах нашли этот череп и решили перезахоронить его, при этом стремясь искупить вину перед усопшим, поместили рядом с черепом свою сероглиняную ойнохою. Особенности салтовской погребальной традиции, зафиксированные на Боспоре, однако не исключают и иных интерпретаций [Винокуров, Пономарев, 2017].

С салтовской традицией можно связывать также *стену № 4*, которая по существу ничем не отличается от двух описанных выше (рис. 5). Она ориентирована по линии С-3 – Ю-В; длина – 1,61 м, ширина – 0,60 м, высота – до 0,28 м. Опять стоит отметить сходство этой конструкции с салтово-маяцкими постройками, но странно при этом, что в культурном слое раскопа 2019 г. был обнаружен всего один обломок горшка, который можно уверенно считать салтовским.

Стена № 4 примыкает к *полуземлянке XXIII* (рис. 6–7), не перекрывая её. Можно даже полагать, что эта стена была частично разрушена при сооружении обозначенной заглублённой в землю конструкции, т.е. является относительно ранней. В таком случае, однако, придётся считать, что и другие обнаруженные нами наземные конструкции относятся к раннему (римскому) этапу обитания в этой части поселения, что тоже вызывает большие сомнения.

Полуземлянка XXIII ориентирована по линии С-3 – Ю-В. Она сохранилась плохо, котлован сильно оплыл, тем не менее размеры сооружения определяются достаточно уверенно: 5,25 × 2,80-3,10 м, глубина от уровня материка – 0,20-0,40 м. Любопытно, что уровень дна заметно понижается в северном направлении. В конструкцию полуземлянки входила *яма № 112* (диаметр – 1,7 м, глубина от пола – 0,30 м), находящаяся около её северо-западного угла.

При разборке заполнения котлована и ямы было обнаружено 346 фрагментов керамических сосудов, керамическое пирамидальное грузило и другие находки. При статистической оценке всего массива находок выясняется, что на фрагменты амфор приходится 34,1%, т.е. сравнительно немного для античных памятников. В составе этих материалов представлены обломки южнопонтийских светлоглиняных амфор типа С по Д.Б. Шелову (рис. 8, 1–2) [Шелов, 1978, с. 18], а также крупных боспорских красноглиняных сосудов с широким венцом и круглыми в сечении ручками (рис. 8, 3–4) [ср.: Зеест, 1960, с. 115–116, табл. XXXIV, 83]. Датировка последних, предложенная А.П. Абрамовым, в пределах конца II – первой половины III вв. н.э. [Абрамов, 1993, с. 48, табл. 57, 6.27–6.28], скорее всего, верна. На основании этих находок можно считать, что полуземлянка XXIII была засыпана несколько позднее, чем XXII, а именно в конце II – первой половине III вв.

Без учёта амфорного материала керамический комплекс распределяется следующим образом: 14% составляют обломки красноглиняной столовой кружальной посуды, 4,4% – обломки сероглиняной посуды, 1,3% – фрагменты краснолаковых сосудов – понтийской сигилляты (рис. 8, 6) [см.: Журавлёв, 1997; 1998, с. 35–36; Домжалский, 1998, с. 21; Шаров, 2007, с. 54–77], 3,1% – обломки толстостенной

керамики, всего 0,9% приходится на кружальную кухонную посуду и, наконец, целых 76,3% – на лепную керамику, изготовленную в традициях варварского населения. Последняя категория представлена обломками горшков (рис. 8, 7–8) и в гораздо меньшей степени мисок. Среди горшков выделяется обломок с кольцевым налепом (рис. 8, 7), подобные которому ранее на поселении не встречались.

Помимо полуземлянки, на участке было выявлено 8 очень небольших по размерам ям, которые являются обычными, бытовыми. В них нет и намёка на принадлежность к культовой сфере. Тем не менее в 2019 г. был обнаружен один контекст, который следует признать культовым.

К востоку от угла полуземлянки, совсем недалеко от него, на уровне древней дневной поверхности было открыто *скопление битой посуды* (1,70 × 1,40 м). Оно состояло из развалов трёх лепных горшков, сохранившихся лишь частично, одной лепной миски и пр. (рис. 9, 10). Рядом с каждым из горшков находилось по камню. Миска была украшена полусферическими налёпами (рис. 11, 3). Горшки тоже были орнаментированными. Один был украшен полусферическими налёпами (рис. 11, 2), другой – полусферическими налёпами вместе с вертикальными (рис. 11, 1), третий имел налёпы в виде подковок (рис. 10, 11, 4). Вполне очевидно, что на этом месте было совершено жертвоприношение. Относительно лепных горшков с подобной орнаментацией, характерных для культуры Боспора первых веков н.э., следует отметить, что Е.Г. Кастанаян связывала их с фракийской традицией и считала, что на берега Керченского пролива тогда проникли фракийские этнические группы [Кастанаян, 1981, с. 124 сл., 127].

Под описанным контекстом находилась небольшая яма № 110 (диаметр – 1,55 м, глубина – 0,25 м), на дне которой был поставлен лепной горшочек (рис. 12). Он был украшен тремя полусферическими налёпами и одним вертикальным (рис. 11, 5). Внутри горшка находились кости черепа молочного поросёнка. Связь этой ямы с культовой практикой не вызывает сомнения. Выше говорилось, что подобная жертвенная яма (№ 94) с горшком, в который была положена голова поросёнка, обнаружена рядом со стеной № 2 [Виноградов, 2019а, с. 264–265].

Подводя итог, следует признать, что раскопки последних лет подтверждают предположение, что на западной окраине поселения Артющенко-1 существовал некий священный участок. Достаточно надёжно установлено, что он не распространялся к северу от исследованного ранее участка. Пока не вполне ясно, распространялся ли он далее к востоку, т.е. имеются ли культовые сооружения вдоль северной границы поселения.

Относительно комплекса этих сакральных сооружений можно с уверенностью утверждать, что в них не стоит искать проявление греческой традиции. Более того, священный участок Артющенко-1 не имеет ничего общего с сельскими святилищами, открытыми на европейской стороне Боспора и относящимися в основном к более раннему времени [см.: Масленников, 2006; 2007; Maslennikov, 2010]. Но и варварская интерпретация этого комплекса вызывает немалые трудности, поскольку у местных

Виноградов Ю.А. Новые исследования...

племян, граничащих с Боспором, ни в первые века н.э., ни ранее ничего подобного не зафиксировано.

Несмотря на недостаточную изученность северной границы поселения, можно высказать одну в высшей степени спорную гипотезу. Не исключено, что священный участок, открытый на Артюшенко-1, связан с культурной традицией Фракии, где, как показывают исследования последних лет, существовали так называемые *ямные святилища*, состоящие из большого количества жертвенных ям [см: Tonkova, 2003; Theodossiev, 2011, p. 19; Bozkova, 2016]. В них наряду с обычными бытовыми материалами представлены вещи, связанные с культом, а также скелеты людей и животных. На вопрос, каким образом эта западная традиция проникла столь далеко на восток, ответить очень нелегко, но всё-таки нельзя исключать того, что она была связана с перемещением на Боспор каких-то фракийских этнических элементов [Виноградов, 2019б, с. 268–270].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. 3. С. 4–135.
- Виноградов Ю.А. Салтово-маяцкие комплексы поселения Артюшенко-1 на Таманском полуострове // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2002. Т. I (XXVI). С. 73–81.
- Виноградов Ю.А. Основные итоги изучения поселения Артюшенко-1 (Таманский полуостров) // ПИФК. 2013. № 2. С. 233–241.
- Виноградов Ю.А. Строительные комплексы римского времени на поселении Артюшенко-1 (Таманский полуостров) // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2013. С. 25–30.
- Виноградов Ю.А. Молотильный ток или сельское святилище? К интерпретации объекта, открытого на поселении Артюшенко-1 (Таманский полуостров) // Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб, 2017. С. 322–333.
- Виноградов Ю.А. Священный участок античного поселения Артюшенко-1 // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб, 2019. С. 254–270.
- Виноградов Ю.А. Основные итоги изучения священного участка поселения Артюшенко-1 (Таманский полуостров) // Боспорские чтения. XX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь-Керчь, 2019. С. 110–115.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Мертвые среди живых: погребальные салтово-маяцкие комплексы на городище Артезиан // ДБ. 2017. 21. С. 40–63.
- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003. 217 с.
- Домжалевский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998. С. 17–30.
- Журавлёв Д.В. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata B из могильника Бельбек-IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. М., 1997. С. 227–260.
- Журавлёв Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998. С. 31–51.
- Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамический комплекс II в. н.э. с акрополя Пантикапея // ДБ. 1999. 2. С. 98–113.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. МИА. № 83. М., 1960. 178 с.

Боспорские исследования, вып. XL

- Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981. 176 с.
- Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М., 2006. 152 с.
- Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007. 562 с.
- Шаров О. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. М., 2007. 207 с.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. 156. С. 16–21.
- Bozkova A. Pits of the first millennium B.C. in Thracia, *sine ira et studio* // Southern Europe and Anatolia in prehistory. Essays in honor Vassil Nikolov on the 65th anniversary. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 23. Bonn, 2016. P. 475–483.
- Maslennikov A.A. Ancient rural sanctuaries of the Crimean Azov coast // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Thessaloniki, 2010. P. 171–281.
- Theodossiev N. Ancient Thrace during the First Millennium BC // The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC. Peeters, 2011. P. 1–60.
- Tonkova M. Late Iron Age pit-sanctuaries in Thrace: the contribution of the studies at Glebacevo // Thrace. 2003. 15. P. 479–504.
- Vinogradov Yu.A. Excavations at the Settlement of Artyuschenko I (Bugazskoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 157–160.
- Vinogradov Yu.A., Lebedeva E.V. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-I (Bugazskoye) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316–319.

REFERENCES

- Abramov A.P. Antichnye amfory. Periodizatsiya i khronologiya. *Bosporskiy sbornik*. 1993. 3. S. 4–135.
- Bozkova A. Pits of the first millennium B.C. in Thracia, *sine ira et studio*. / Southern Europe and Anatolia in prehistory. Essays in honor Vassil Nikolov on the 65th anniversary. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 23. Bonn, 2016. P. 475–483.
- Domzhal'skiy K. Iz istorii issledovaniya krasnolakovoy keramiki vostochnogo proizvodstva. *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika Severnogo Prichernomora*. Moscow, 1998. P. 17–30.
- Kastanayan E.G. *Lepnaya keramika bosporskih gorodov*. Leningrad, 1981. 176 s.
- Maslennikov A.A. *Antichnoe svyatilishe na Meotide*. Moscow, 2006. 152 s.
- Maslennikov A.A. *Sel'skie svyatilischa Evropejskogo Bospora*. Tula, 2007. 562 s.
- Maslennikov A.A. Ancient rural sanctuaries of the Crimean Azov coast. *Ancient Sacral Monuments in the Black Sea*. Thessaloniki, 2010. P. 171–281.
- Sharov O. *Keramicheskij kompleks nekropolja Chatyr-Dag. Khronologiya kompleksov s rimskimi importami*. Moscow, 2007. 207 s.
- Shelov D.B. Uzko gorlye svetloglinyane amfory pervych vekov nashej ery. Klassifikacija i khronologija. *KSIA*. 1978. 156. S. 16–21.
- Theodossiev N. Ancient Thrace during the First Millennium BC. *The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC*. Peeters, 2011. P. 1–60.
- Tonkova M. Late Iron Age pit-sanctuaries in Thrace: the contribution of the studies at Glebacevo. *Thrace*. 2003. 15. P. 479–504.
- Vinogradov Yu.A. Saltovo-mayackie komplekсы poseleniya Artyuschenko I na Tamanskom poluostrove. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossijskogo arheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya*. 2002. T. I (XXVI). S. 73–81.
- Vinogradov Yu.A. Osnovnye itogi izucheniya poseleniya Artyuschenko I (Tamanskij poluostrov). *Problemy istorii, filologii i kul'tury*. 2013. No. 2. S. 233–241.
- Vinogradov Yu.A. Stroitel'nye komplekсы rimskogo vremeni na poselenii Artyuschenko I (Tamanskij poluostrov). *III 'Anfimovskie chteniya' po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Materialy mezhdunarodnoj arheologicheskoy konferencii*. Krasnodar, 2013. S. 25–30.

Виноградов Ю.А. Новые исследования...

- Vinogradov Yu.A. Excavations at the Settlement of Artyushchenko I (Bugazskoe) on the Taman Peninsula. *Hyperboreus*. 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 157–160.
- Vinogradov Yu.A. Molotil'nyj tok ili sel'skoe svyatilische? K probleme interpretacii ob'ekta, otkrytogo na poselenii Artyushchenko–I. *Vishnyackij L.B. (Ed.). Ex Ungue Leonem. Sbornik statej k 90-letiyu L'va Samuilovicha Kleina*. St.Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. S. 322–333.
- Vinogradov Yu.A. Svyaschennyj uchastok antichnogo poseleniya Artyushchenko–I. *Vinogradov Yu.A. i dr. (Eds). Proshloe chelovechestva v trudah peterburgskih arheologov na rubezhe tysyacheletij (K 100-letiyu sozdaniyu Rossijskoj kademicheskoy arheologii*. St.Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2019. S. 254–270.
- Vinogradov Yu.A. Osnovnye itogi izucheniya svyashchennogo uchastka poseleniya Artyushchenko–I (Tamanskij poluostrov). *Zin'ko V.N. (Ed.). Bosporskie chteniya. XX. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovanij*. Simferopol' – Kerch, 2019. S. 110–115.
- Vinogradov Yu.A., Lebedeva E.V. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskoye) on the Taman Peninsula. *Hyperboreus*. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316–319.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Mertvye sredi zhivych: pogrebal'nye saltovo-mayatskie komplekсы na gorodische Artezian. *Drevnosti Bospora*. 2017. 21. S. 40–63.
- Vnukov S.Yu. *Prichernomoskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya)*. Moscow, 2003. 217 s.
- Zeest I.B. *Keramicheskaya tara Bospora*. Moscow, 1960. 178 s. (MIA. № 83).
- Zhuravlev D.V. Krasnolakovaya keramika grupy Eastern sigillata B iz mogil'nika Bel'bek IV v Jugo-Zapadnom Krymu. *Drevnosti Evrazii*. Moscow, 1997. S. 227–260.
- Zhuravlev D.V. Krasnolakovaya keramika Severnogo Prichernomor'ya rimskogo vremeni: osnovnye itogi i perspektivy izucheniya. *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1998. S. 31–51.
- Zhuravlev D.V., Lomtadze G.A. Keramicheskij kompleks II v. n.e. s akropolya Pantikapeya. *Drevnosti Bospora*. 1999. 2. S. 98–113.

Резюме

Поселение Артющенко-1 является одним из хорошо изученных сельских поселений Азиатского Боспора. В последние годы на его западной окраине был открыт необычный священный участок I–III вв. н.э. Важным элементом являлась глинобитная площадка, на поверхности которой было обнаружено большое количество обгоревших зёрен плёчатой пшеницы. Рядом с ней находились глубокие ямы, содержавшие большое количество скелетов животных. Несколько небольших ям содержали человеческие останки. Раскопки 2018–2019 гг. показали, что священный участок не распространялся к северу, но восточнее площадки зафиксирован сакральный контекст, состоящий из трёх лепных горшков и одной миски (рис. 10, 11). Под скоплением керамики находилась яма № 110, на её дне был поставлен горшок, в который была положена голова молочного поросёнка. Таким образом, продолжение изучения священного участка в восточном направлении имеет перспективу.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, римское время, поселение Артющенко-1, священный участок, ямы.

Summary

The settlement Artyushchenko-1 is one of the well-studied agricultural settlements of the Asian Bosporus. During the last years the very unordinary sacred site of the 1st – 3rd centuries AD was excavated at the western boundary of the settlement. An important element of it is an area with a layer of clay, which contained a large amount of charred grains of bearded wheat (*Triticum*

Боспорские исследования, вып. XL

monococcum). Next to it were deep pits containing a large number of animal skeletons. Several small pits contained human remains. Excavations of 2018–2019 demonstrates that the sacred site was not distributed to the north, and a sacred context consisting of three hand-made pots and one bowl was found to the east from platform (fig. 10, 11). The pit no. 110 was found under this context. A pot with the head of the yang pig was put on the bottom of it. Thus, the continuation of the study of the sacred site in the northern boundary of the site has a perspective.

Key words: Asian Bosphorus, Roman time, the settlement of Artyushenko-1, the sacred site, the pits.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
истории материальной культуры РАН
(С.-Петербург),
+7 (812)-764-85-71.
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St. Petersburg),
+7 (812)-764-85-71.
vincat2008@yandex.ru

Рис. 1. Стена № 2. Вид с юга.

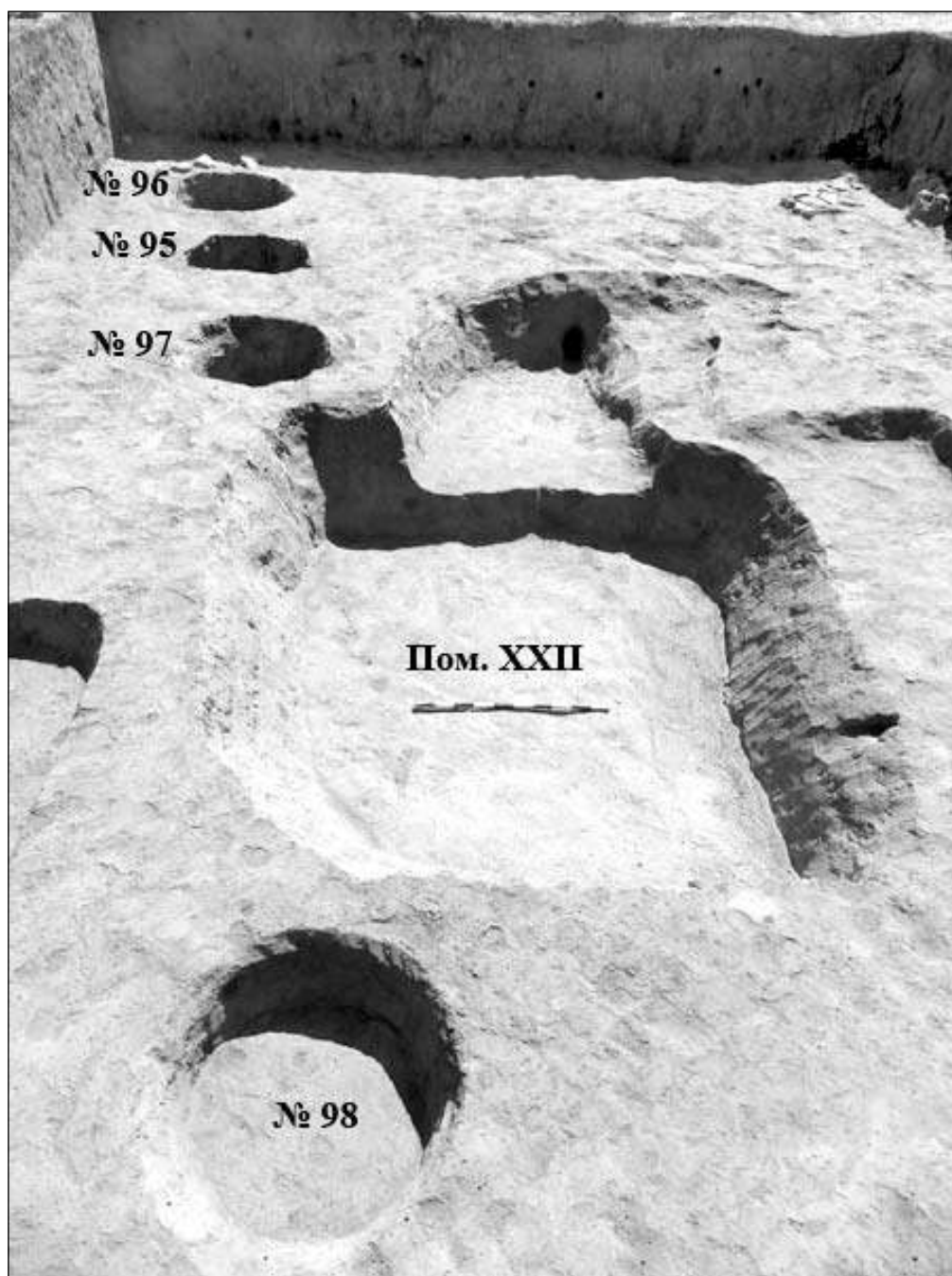

Рис. 2. Ямы (остатки забора?) и полуземлянка XXII. Вид с запада.

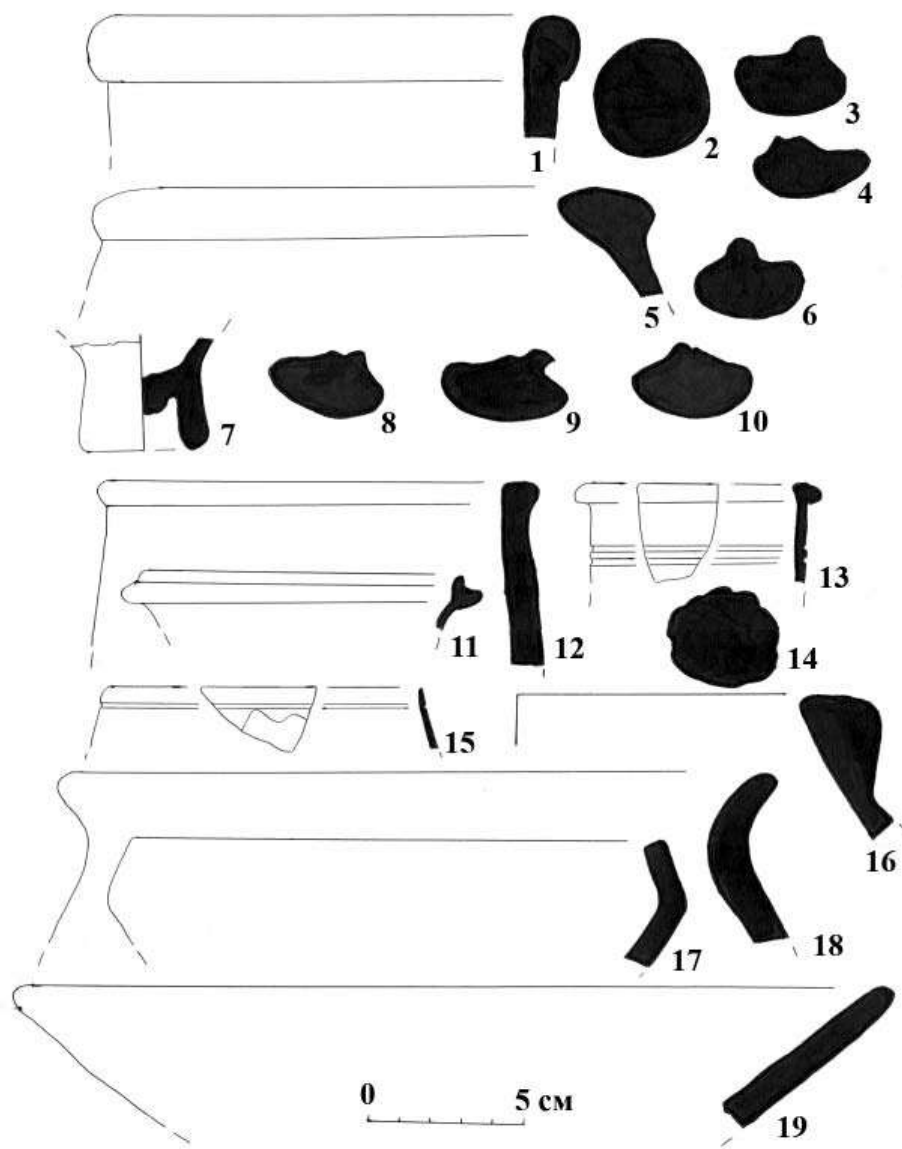

Рис. 3. Керамические находки из котлована полуземлянки XXII

1–10 – фрагменты амфор; 11–12, 14 – красноглиняная столовая посуда; 13 – сероглиняная керамика; 15 – краснолаковая посуда; 16 – толстостенная керамика; 17–19 – лепная посуда.

Рис. 4. Яма № 103, вид с севера.

Рис. 5. Стена № 4. Вид с севера.

Рис. 6. Полуземлянка XXIII. Вид с севера.

Рис. 7. Полуземлянка XXIII. Вид с востока.

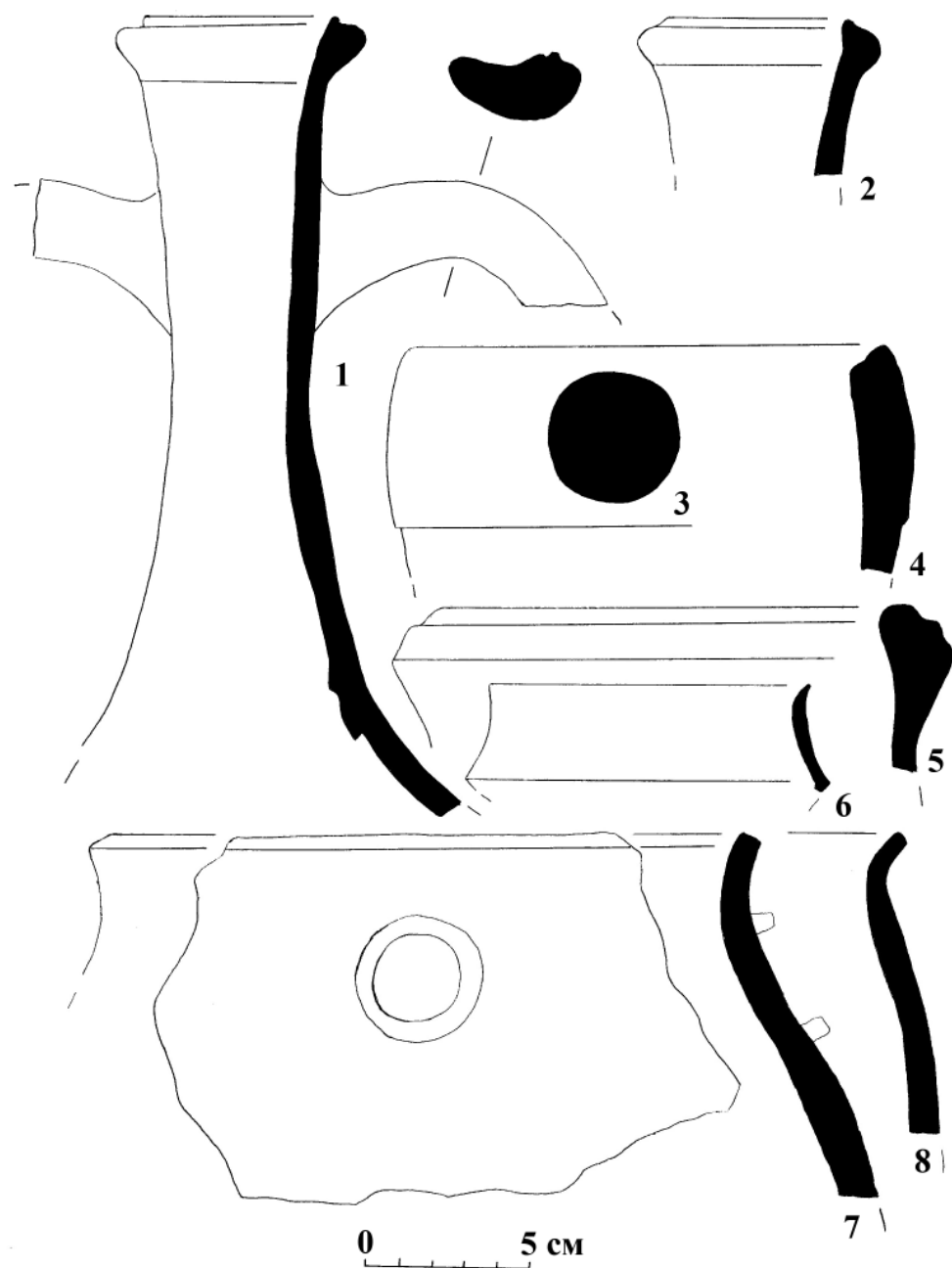

Рис. 8. Керамические находки из котлована полуземлянки XXIII
1–5 – фрагменты амфор; 6 – красный лак; 7–8 – лепные горшки.

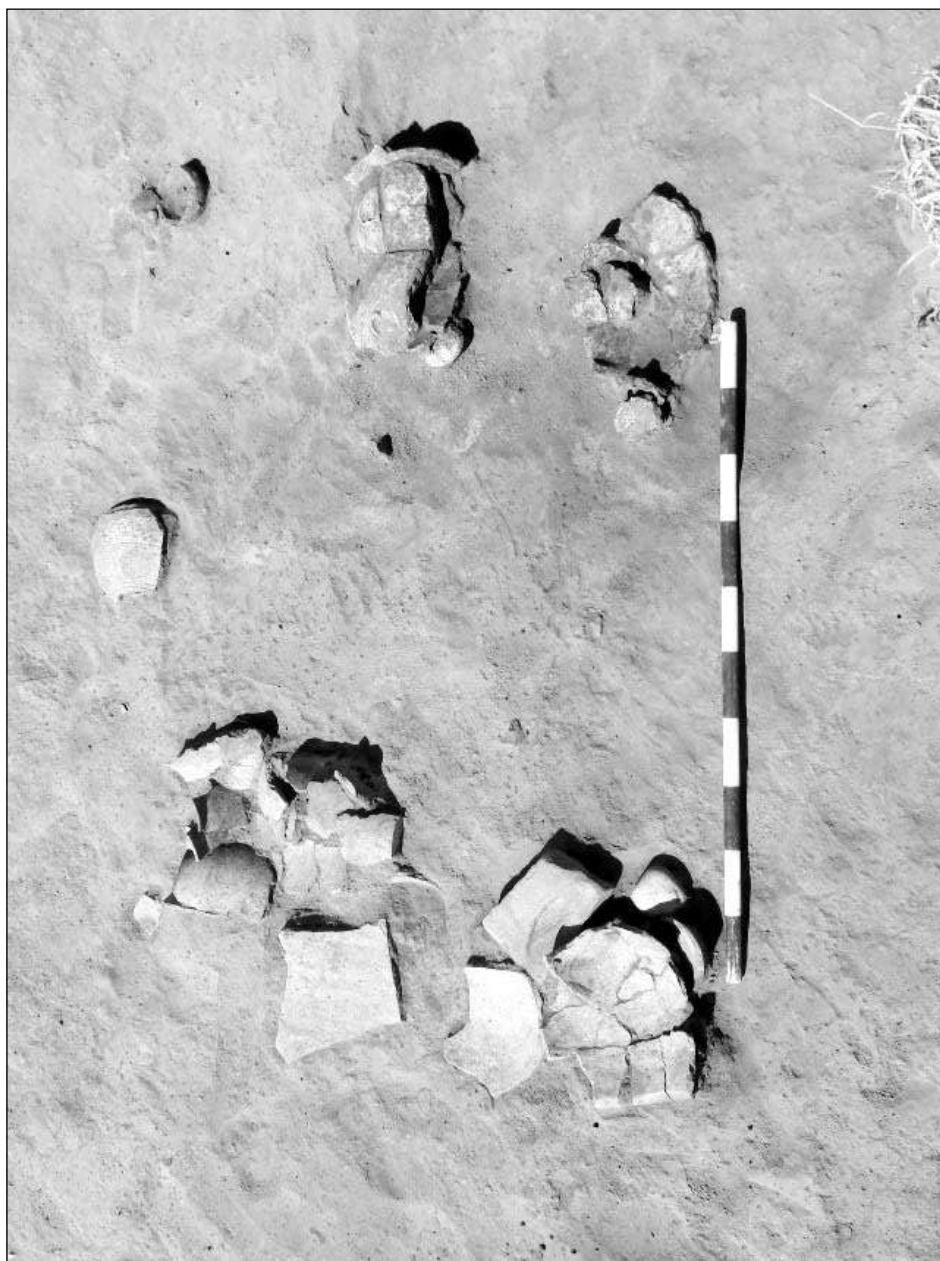

Рис. 9. Скопление керамики (остатки жертвоприношения). Вид с севера.

Рис. 10. Развал горшка, украшенного налепами в виде подковок. Вид с запада.

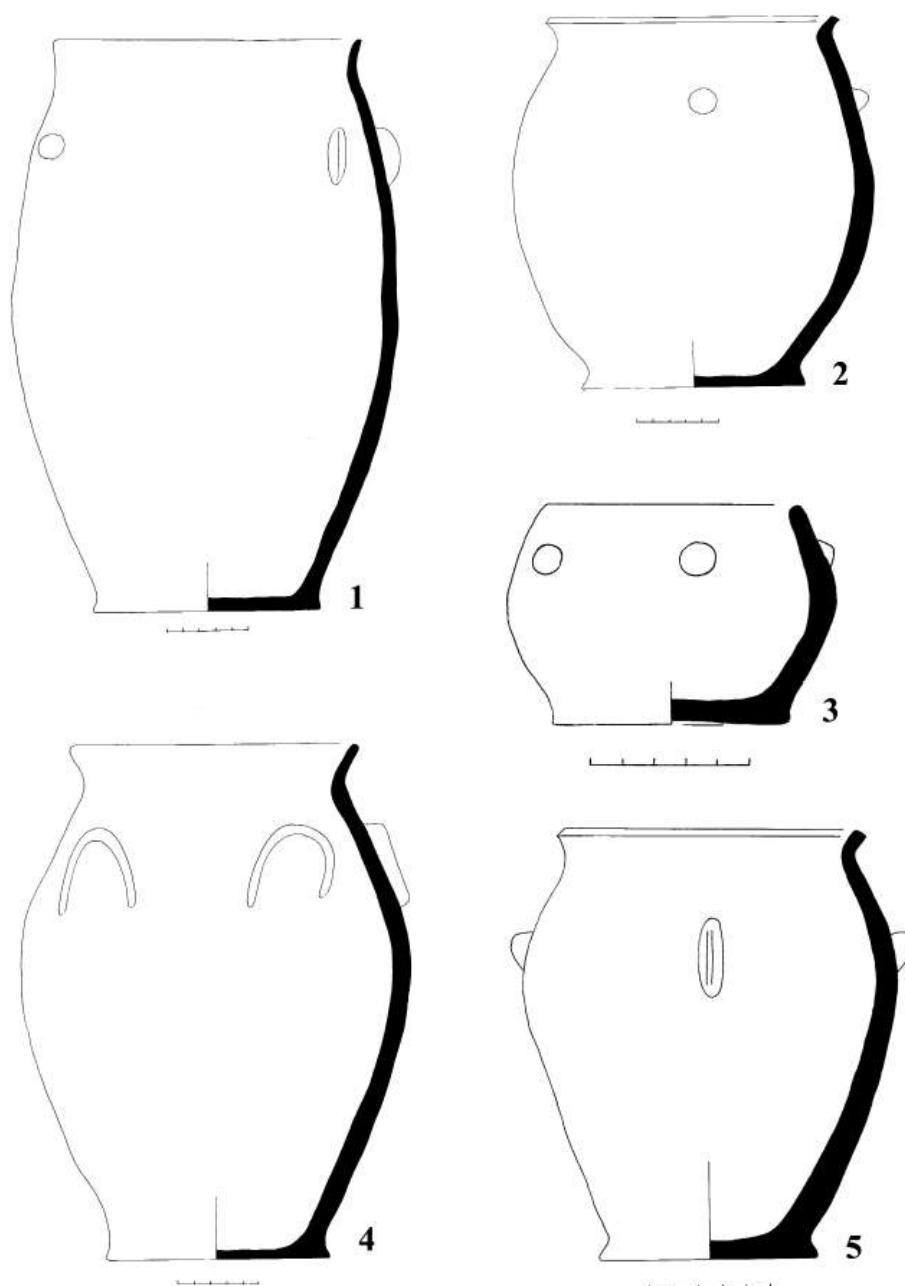

Рис. 11. Лепная керамика с места жертвоприношения.

Рис. 12. Горшок в яме № 112. Вид с севера.